

Цены: что год текущий нам сготовил

Начиная с 1993 года самый весомый вклад в инфляцию вносили естественные монополисты

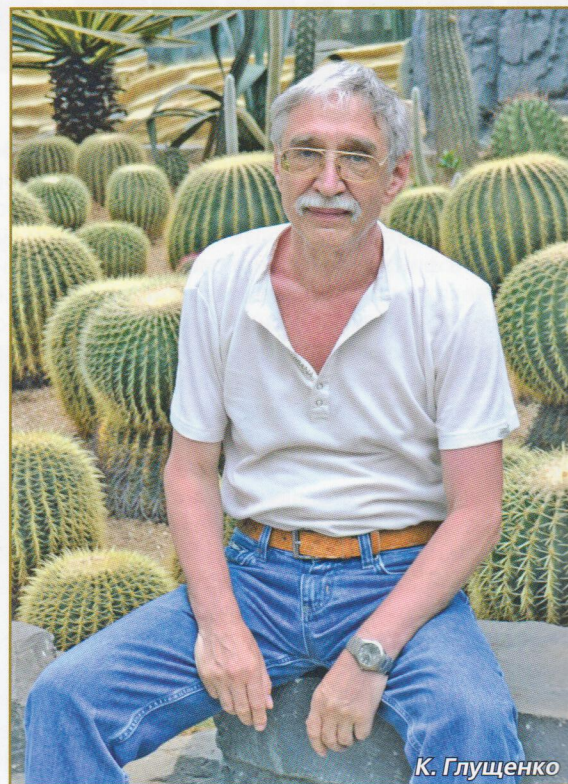
Вособенности энергетики, из-за чего рост цен на услуги постоянно обгонял увеличение цен продуктов и промтоваров (исключением были только 1998 и 1999 годы, когда испуганные кризисом власти умерили аппетиты энергетиков и иже с ними). Однако дело, похоже, идёт к слову этой традиции: в 2007, 2008, 2010 и 2012 годах опережающими темпами дорожали продовольственные товары.

То же самое происходит и в этом году. Как видно на графике, темп роста цен продовольственных товаров с самого начала года был выше, чем у промтоваров и услуг. К слову, за весь прошлый год продукты выросли в цене на 7,3%, в нынешнем же им хватило для этого восьми месяцев. За первое полугодие они подорожали ещё больше, но в июле и августе подешевевшие овощи-фрукты несколько понизили уровень цен продовольственных товаров.

Цены промтоваров за январь-август увеличились на 3,8%, а услуг — на 5,9%. В целом же рост потребительских цен (уровень инфляции) в среднем по стране

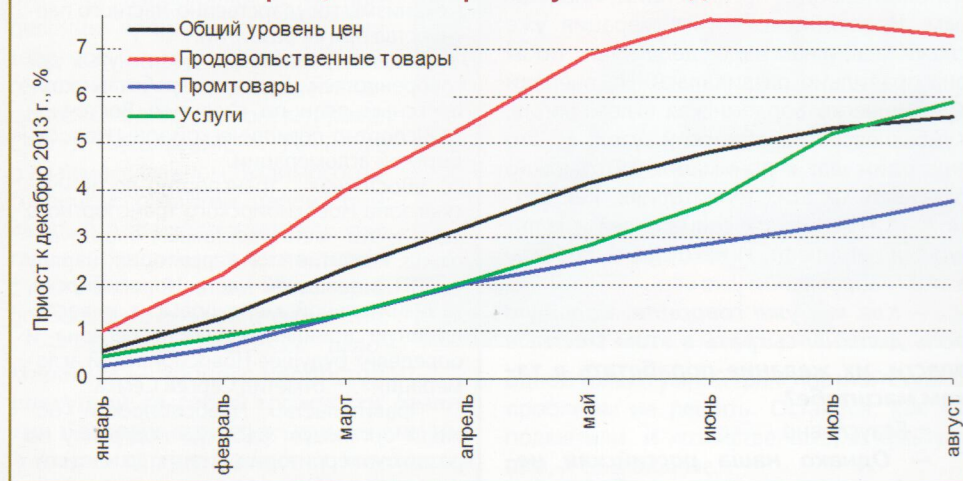
составил 5,6%. Выше инфляция за восемь месяцев последний раз была в 2009 году, а рост цен продовольственных товаров — в 2008 году. Промтовары дорожали хотя и быстрее, чем в прошлом и позапрошлом годах, но ненамного. А вот увеличение уровня цен услуг оказалось чуть ли не самым низким за все годы; только в 2012 году оно было слегка (на 0,2 процентных пункта) ниже. Неужто наконец удалось справиться с естественными монополистами?

Всё это — данные Росстата (они используются и далее). И тут уместно некоторое отступление. Убеждение в том, что официальная статистика обманывает народ, а «на самом деле» инфляция выше в два-три раза, довольно распространено в нашем обществе (стоит сказать, не только в нашем — во всех странах с заметной инфляцией многие считают,

К. Глущенко

Инфляция за январь-август 2014 года

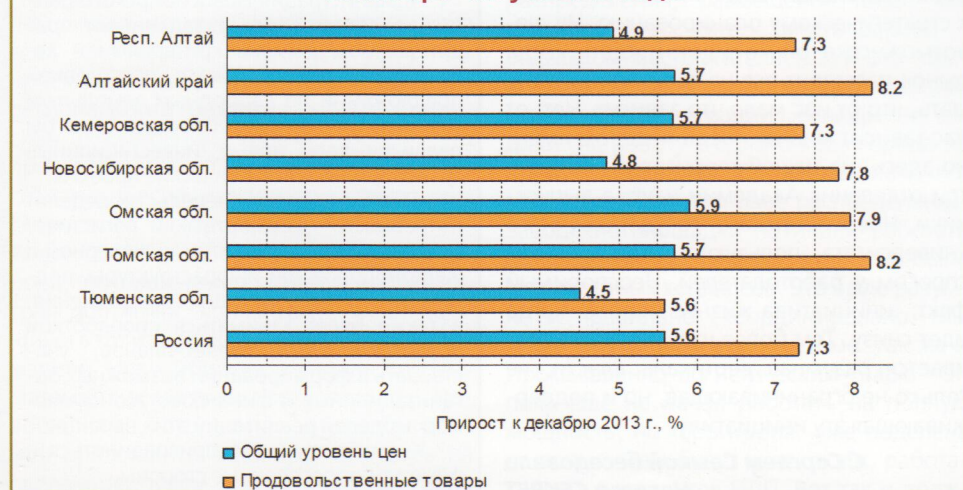

что официальные данные о ней занижены). Зиждется это убеждение зачастую на личных впечатлениях: ну не может быть инфляция всего лишь несколько процентов, если, скажем, говядина подорожала вон на сколько. Такие оценки на глазок всегда будут выше объективных, и дело тут не в экономике, а в психологии: нам бросаются в глаза ценники с выросшими цифрами, а на то, что на других они не меняются, а иногда даже уменьшаются, мы внимания не обращаем. Это видно и из приведённых данных: хотя продукты выросли в цене больше чем на 7%, промтовары и услуги дорожали медленней, из-за чего общий уровень инфляции оказался заметно меньше темпа роста цен на провизию.

Но предпринимаются и попытки «разоблачить» Росстат на основе неких расчётов. К примеру, одна из газет уже третий год каждый месяц публикует изменение стоимости «Народной корзины» (составленной журналистами газеты), уверяя, что оно и измеряет «реальную» инфляцию, неизменно оказывающуюся выше публикуемой Росстатом. Знакомство с методикой, изобретённой сотрудниками уважаемого еженедельника (изложенной, хотя и довольно невнятно, в № 1-2 за 2012 год), показывает, что она противоречит всем принципам измерения инфляции, над которыми долгие годы бились во всём мире учёные-статистики и экономисты. Не лучше и другие «альтернативные» оценки, встречающиеся в прессе и в интернете.

Что же касается Росстата, то используемые им процедуры сбора исходной информации о ценах и расчёта индексов

Инфляция в регионах Западной Сибири за январь-август 2014 года

потребительских цен не раз проверялись на международном уровне и анализировались отечественными специалистами. И было установлено, что к систематическому занижению оценки инфляции они никак не могут приводить, нет и возможностей для сознательных подтасовок (иначе в статистике не сойдутся концы с концами). Так что на отечественную статистику цен вполне можно положиться.

Западная Сибирь на фоне

Пока что речь шла о России в целом. Но в разных её частях цены могут вести себя неодинаково. Посмотрим, что происходит в наших краях. На графике показан итоговый рост цен за январь – август нынешнего года в регионах Западной Сибири и – для сравнения – по стране в целом. Тюменская область, хоть и относится ныне к Уральскому федеральному округу, из Сибири никуда не делась, поэтому присутствует здесь с полным правом. Она взята целиком, вместе с входящими в неё Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами.

Как видно, в четырёх из семи западносибирских регионов темп роста общего уровня цен за январь – август был близок к среднему по стране, превышая его лишь на 0,1–0,3 процентных пункта, в трёх – ниже на 0,7–1,1 пункта. А вот продовольственные товары подорожали меньше, чем в целом по России, только в Тюменской области, в остальных регионах рост цен был или на уровне среднероссийского, или выше. Чтобы не загромождать график, на нём не показаны протомары и услуги. Темп роста цен протомаров составил от 2,5 до 4,2%, причём выше среднероссийского он был только в Томской области и Алтайском крае. Услуги подорожали сильнее, чем в целом по стране, лишь в Омской области, на 7,2%, в остальных регионах – на 2,8–5,9%.

Рост уровня цен говорит, насколько подорожала жизнь в данном регионе (или в стране) по отношению – в нашем случае – к концу прошлого года, но не даёт возможности сравнить регионы между собой. Где было дороже жить? Сближаются ли регионы из-за инфляции между собой по стоимости жизни или же, наоборот, расходятся ещё больше? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно

Отечественные продовольственные товары заменят импортные, только если их можно будет продавать по более высокому ценам. Вырастут в цене и импортные продовольственные товары – как из-за повышения цен зарубежными поставщиками, так и из-за ослабления рубля

знать сам уровень цен. И такие данные Росстат публикует, но только в среднем за год, и не по регионам, а по городам. Индекс стоимости жизни в городе представляет собой уровень цен в этом городе по отношению к среднему по стране. На графике приведены индексы стоимости жизни в «столицах» западносибирских регионов за прошлый год.

Оказывается, если не говорить о северных городах, в Западной Сибири не так уж и дорого жить. В Омске уровень потребительских цен ниже среднероссийского аж на 15% (с лишним), в Барнауле и Кемерово – на 10% (тоже с лишним), в Томске – на 2%. В Горно-Алтайске, Новосибирске и Тюмени жизнь дороже, чем в среднем по стране, но ненамного – на 3–4%.

Однако связать эти данные с данными об инфляции не получится – нужно знать стоимость жизни по регионам и по месяцам. Грубо оценить её можно по стоимости «фиксированного

набора потребительских товаров и услуг для проведения межрегиональных сопоставлений» (так уж его именует Росстат). Этот набор включает 83 наименования продовольственных товаров, протомаров и услуг, тогда как индекс стоимости жизни учитывает более 400 наименований (тех же, что и сводный индекс потребительских цен). Отношение стоимости

набора в регионе к среднему по стране в данном месяце и даст нам нужную оценку стоимости жизни в регионе, хотя и грубую. Что получилось, показано на графике ниже. Нужно иметь в виду, что изменение стоимости «фиксированного набора» за январь – август может расхожиться с темпом инфляции в регионе из-за того, что учитывается меньший круг товаров и услуг (по сути, это грубая оценка роста общего уровня цен).

Сравнивая данные за декабрь 2013 года на этом графике с данными предыдущего графика, можно видеть, что они довольно хорошо согласуются. Про данные по Тюменской области ничего нельзя сказать, потому что теперь они охватывают информацию и по северным городам (и понятно, что в среднем по этой области стоимость жизни неизбежно будет выше среднероссийской).

Как видно, в четырёх регионах относительная стоимость жизни выросла, в трёх – снизилась. Но и рост, и снижение происходили в основном по направлению к средней по России. За исключением Республики Алтай, где стоимость жизни выросла на 7,6 процентных пункта, увеличив разрыв со среднероссийской до 11,7%.

Санкции и цены

Наши графики кончаются августом. Но с него начинается крутое изменение ситуации на рынке продовольственных товаров. Президентский указ от 6 августа положил начало эмбарго на большой круг продовольственных товаров и сырья для их производства из США, ЕС, Канады, Австралии и заодно попавшей под раздачу Норвегии, в ЕС не состоящей и в экономических санкциях (за которые и последовало наказание) не участвовавшей. Правда, совсем уж невинной она не была, присоединившись в апреле, «как партнёр ЕС», к тогдашним санкциям ЕС в компании с Албанией, Исландией и Черногорией. Но те санкции были, скорее, символическими, в основном направленными против российских официальных лиц, никоим образом не задевая российскую экономику. Видимо, нашим чиновникам недосуг было вдаваться в такие подробности (хотя тогда непонятно, как ускользнули от расправы Албания и иже с ней). Норвегия возмутилась и, чтобы не быть наказанной зря, уже 11 августа к экономическим санкциям ЕС примкнула.

Но Бог с ней, с Норвегией, а вот чего нам ждать от продовольственного эмбарго? Власти уверяют, теперь нашим сельхозпроизводителям будет счастье: мол, европейские и американские продукты исчезнут с прилавков, уступив место отечественным. Возьмём для примера польские яблоки, про которые почему-то много говорят по телевизору. Чем они мешали российским? Неужто, выстроившись плотными рядами, не подпускали к прилавкам нашу антоновку? Все нет — они

Польские яблоки дешевле, потому что польским крестьянам помогает государство. И не надо никакого продовольственного эмбарго, чтобы сделать то же у нас

дешевле. Почему, ведь природные условия в Польше не лучше, чем в средней полосе России? А потому, что польским крестьянам помогает государство. И не надо никакого продовольственного эмбарго, чтобы сделать то же у нас.

Вместо этого имеем неповоротливую, вечно опаздывающую систему зерновых интервенций. Страхование урожая, которое устроено так, что нередко потеря урожая обходится дешевле, чем судебные издержки, необходимые, чтобы вырвать у страховой компании компенсацию. Есть какие-то льготы, обставленные такими рогатками, что получить их не легче, чем выиграть в лотерею. Львиная доля льгот достаётся гигантам — сельскохозяйственным холдингам, на долю мелких производителей остаются крохи. А ведь именно они выращива-

ют основную часть картофеля, для холдингов это хлопотно. Зато не хлопотно потом скупать картофель по грабительским ценам и перепродавать с немалым наваром в торговую сеть.

Однако никаких мер, чтобы исправить ситуацию, облегчить жизнь сельхозпроизводителям, не предусматривается. Предполагается, что им поможет эмбарго само по себе. Помочь же оно может тем, что место импортных продуктов займут более дорогие отечественные. Но те же самые власти убеждают нас, что роста цен продовольственных товаров не допустят, будут следить за ценами (или, как сейчас модно говорить, «мониторить»), предлагают сообщать в антимонопольную службу о росте цен. И как

же тогда наши крестьяне получают пользу от эмбарго? Да и нельзя нарастить сельскохозяйственное производство за несколько месяцев — нужно несколько лет, причём при уверенности, что затея принесёт выгоду. А эмбарго — всего на год. Может, и продлится, но это уже вилами на воде писано.

Мало того, импорт продовольствия из стран, попавших под эмбарго, предполагается компенсировать ростом импорта из других стран. Спрашивается, о каких перспективах для российских крестьян можно тогда говорить? Однако на руку им стали играть зарубежные производители, повышая цены на свои товары в ответ на рост спроса со стороны России. Даже в братской Белоруссии, не говоря уже о Латинской Америке и Азии. А рост цен на импортное продо-

вольствие сделает отечественное более конкурентоспособным. Но ещё большую помощь нашим крестьянам может оказать ослабление рубля. Именно девальвация рубля в 1998 году вдохнула жизнь в российские промышленность и сельское хозяйство. Правда, тогда с августа по декабрь курс доллара вырос примерно в 3,5 раза, и отечественные товары по сравнению с импортными стали вполне приемлемыми по цене. Сейчас, как видно на графике, доллар дорожает не так сильно, да и нет уверенности в устойчивости тренда на повышение курса.

Итак, что же в итоге? Будет ли расти отечественное сельское хозяйство, дело тёмное. А вот цены на продовольственные товары будут расти неизбежно. Удержать их не поможет ни мониторинг, ни звонки в антимонопольную службу, ни гнев начальства (тем более что наказывать за повышение цен нельзя). Отечественные продовольственные товары заменят импортные, только если их можно будет продавать по более высоким ценам. Вырастут в цене и импортные продовольственные товары — как из-за повышения цен зарубежными поставщиками, так и из-за ослабления рубля.

По России в целом инфляция за весь нынешний год составит, скорее всего, 9–10%. Что же касается продовольственных товаров, то рост цен на них будет ещё более ускоряться (местами этот процесс уже пошёл). К концу нынешнего года продовольственные товары подорожают на 12–13% по отношению к декабрю 2013 года. Хотелось бы оказаться неправым, ошибившись в большую сторону, но подозреваю, что этот прогноз скорее оптимистический.

Константин ГЛУЩЕНКО,
доцент кафедры экономической теории
ЭФ НГУ